

КОЛОСЬЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

1918г

С. С. Давидов

СОДЕРЖАНИЕ. Быть может...—К. О. Н. Штрихи пролетарской эстетики Верхарна—Рабочий Н. Погодинъ. Воспоминанія—Феликсъ Конъ. Сія въ охранномъ отдѣленіи. Біографическія справки о В. Черновѣ и Л. Мартовѣ. Дѣятельность Харьковскихъ организацій Р. С.-Д. Р. П. въ 1916 г. наканунѣ революціи, по даннымъ жандармскаго управленія. Письмо въ редакцію—Ингеридъ. Стихи—Г. Шенгели, Давайонъ, А. Гатовъ. Иллюраціи—фотографіи изъ охраннаго отдѣленія В. Чернова и Л. Мартова, шаржи на Маклецова и Геркевича, рисунки, заставки, концовки и иньетки. Художники: Маркинъ, Иона Вій и др.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (Союзбанкъ).

г. Харьковъ, Николаевская площ., № 9 (противъ Биржи) тел. 44-07.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ 0/0	{ }	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ 0/0
б) По вкладамъ: до востребованія	5 0/0		„ 2 года	5 ¹ / ₂ 0/0
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5 0/0		свыше 2 лѣтъ по соглашенію.	

Въ цѣляхъ предоставленія публикѣ удобствъ Союзомъ
ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ:

уг. Николаевской площ. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

Книгоиздательство „СОЮЗЪ“ ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Харьковского Кредитнаго Союза Кооперативовъ.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинської мови“, О. Сенявскій. А. П. Марковъ—„Мѣстные финансы“.

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая бібліотека

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛІЯ.

- Проф. Д. И. Багалій—„Історія Слободської України“.
Проф. М. Х. Сумцов—„Історично-етнографічний побутъ Слободської України“.
Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.
А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на території Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.
Айзеншток—„Українське відродженне у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.
Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.
Проф. Д. И. Багалій—„Заселення південної України (Новоросійського краю).“
Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода.“
О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.
Н. Д. Ладженская—„Просвѣтителъная дѣятельность Харьковскаго Университета“.
Е. М. Ивановъ—„Е. С. Гордѣнко“.
М. А. Плевако—„Слобжанські письменники—Гулак-Артемовський, Квітка і інші“.

Естественно-историческая бібліотека

подъ ред. проф. В. И. ТАЛІЕВА.

- „Растительный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—проф. В. И. Таліева.

„Птицы—друзья чеповѣка“—Г. А. Брызгаліна.
„Ископаемыя богатства Украины“—прив.-доц. А. С. Федоровскаго.

„Природа и населеніе Слободской Украины (Харьков. губ.)“, пособие по родинознанію. Въ составленіи принимаютъ участіе: прив.-доц. А. С. Федоровскій, Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Таліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимаютъ участіе проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумскій и др.

Намѣченъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризаціи въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая бібліотека

подъ ред. доц. І. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

- М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“.
Ф. М. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“.
П. И. Лященко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“.
А. С. Векслерикъ—„Кооперация и хлѣбная торговля“.
А. Н. Янычевъ—„Історія кредитной кооперации въ Россіи“.
И. М. Хоткевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперевичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажныя деньги“.

Л. Любимовъ—„Утопическій и научный социализмъ“.

Школьно-педагогическая бібліотека

подъ ред. Д. Г. ПАНАДІАДИ.

- Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.
Орфографическій и русско-украинск. словари.
Учебники для высшей и низшей украинскихъ школъ.
Украинскіе классики.
Русскіе классики.
Драматическая литература оригинальная и переводная.
Литература о народныхъ домахъ, просвѣтительныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная бібліотека

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

- Книги по экономіи, организаци, техникѣ сельского хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаній. Уставы кооперативовъ. Счетоводные бланки и книги. Календари.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевская площ., № 9. Адресъ книжн. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

Быть может...

„Сморщилъ брови... и кибитокъ мчится рядъ,
А пальцемъ шевельнулъ—кнуты вездѣ свистятъ.
Одинъ лишь жестъ—и сотни матерей
Оплакиваютъ смерть—загубленныхъ дѣтей“.

Такими словами великій и вѣщій пѣвецъ закованной въ цѣпи Польши обрисовалъ русскихъ самодержцевъ...

Сынъ вольнаго душой народа, не знавшаго до раздѣла оковъ деспотизма, онъ не разъ мыслью возвращался къ тяготящему надъ Россіей гнету и, не сомнѣваясь въ окончательной судьбѣ самодержавія, глядя на памятникъ Петру Великому, какъ бы грозящему спрыгнуть вмѣстѣ съ конемъ съ гранитнаго пьедестала и растоптать своихъ подданныхъ, вопрошаетъ:

„Что сдѣлается съ этимъ каскадомъ тираніи,
Когда подуетъ вольный вѣтеръ съ запада?“

Великій страдалецъ, обреченный на скитаніе на чужбинѣ и нашедшій пріютъ подъ гостепріимнымъ кровомъ революціонной Франціи, въ сѣменахъ свободы разносимыхъ этимъ вѣтромъ по всему міру, видѣлъ спасеніе и для родины своего друга—Пушкина...

Поэтъ ошибся... На престолѣ, съ котораго былъ свергнутъ Людовикъ XVI, съ теченіемъ времени удобно расположился другой властитель и самодержецъ—царь Луидоръ, на развалинахъ разрушеннаго храма сооруженъ другой—золотому тельцу,—и не Франція, не западъ освободилъ Россію отъ узъ самодержавія. Эти узы потрескались и разлетѣлись на кусочки подъ напоромъ изнутри, подъ ударами настрадавшагося и измученнаго въ конецъ рабочаго люда...

Построенная самимъ народомъ „каскада“ тираніи, самимъ же народомъ разрушена—и грозный повелитель миллионновъ въ одинъ моментъ самъ сталъ узникомъ миллионновъ.

И грозная Немезида творитъ надъ нимъ судъ, столь же „скорый“, какъ и его суды, но во сто кратъ милостивѣе тѣхъ, которымъ онъ предавалъ своихъ подданныхъ...

Передъ окнами его обиталища не строили висѣлицъ для его близкихъ... Въ его присутствіи не распинали и не пытали его единомышленниковъ и сотрудниковъ... Онъ не слышалъ ни послѣдняго вздоха казенныхъ, ни стоны матерей, ни воплей осиротѣлыхъ дѣтей...

Оберегаемый стражей отъ гнѣва и мести бывшихъ своихъ подданныхъ, онъ, не разлученный со своими близкими очутился лишь въ одномъ изъ тѣхъ городовъ, куда достойные его предки ссылали своихъ опальныхъ слугъ... Онъ жилъ въ Тобольскѣ...

О чемъ онъ думалъ въ мрачную, бесконечно-длинную зимнюю морозную ночь? О прошломъ или о будущемъ? О загубленныхъ имъ людяхъ, или объ ожидающей его самого судьбѣ?... Каялся-ли въ содѣянномъ, или грезилъ о мести? Остановливался-ли мыслью на судьбѣ страны, которой раньше былъ повелителемъ, на участи народа, или жилъ, какъ и ранѣе, только мыслью о себѣ и о своей династіи?.. Плакалъ-ли въ отчаяніи, робѣя передъ судомъ народнымъ, или сжималъ яростно кулаки, упиваясь мыслью о томъ, какъ онъ отомстилъ-бы своимъ обидчикамъ, своему

народу за испытанное униженіе? Обо всемъ этомъ вѣдаетъ лишь онъ, да темная ночь сибирская,—единный надежный хранитель его душевныхъ тайнъ...

Но что бы онъ ни испыталъ, что бы ни пережилъ—грѣха вверженія Россіи въ пучину анархіи, грѣха предательства своего собственного народа, грѣха убійства и тѣла и духа народнаго—ему не искупить...

Судьба была къ нему милостива... Онъ остался живъ... Презираемый, прокливаемый всѣми, всѣми отверженный, жалкій, оплеванный, онъ все же жилъ и цѣплялся за жизнь... Быть можетъ, питалъ надежду на возвратъ къ прошлому, а можетъ быть, только животный инстинктъ въ немъ заговорилъ и заглушилъ въ немъ даже то жалкое чувство чести, которое свойственно людямъ его касты...

Онъ жилъ, онъ цѣплялся за жизнь, дорожилъ ея удобствами...

И вдругъ подъ его окнами раздался звукъ мѣрныхъ шаговъ его „возлюбленныхъ“ подданныхъ... За нимъ пріѣхала „красная гвардія“...

Его лишь перевезли въ Екатеринбургъ... Но въ первый моментъ онъ не зналъ, кто пришелъ: свои на выручку, или чужіе, чтобы повести его на судъ, а затѣмъ, быть можетъ, и на плаху... Вскорѣ онъ увидѣлъ, что это не „свои“ и, кто знаетъ, быть можетъ, пережилъ муки приговореннаго къ смерти,—тѣ самыя муки, какія переживали сотни, тысячи его жертвъ...

Только въ Екатеринбургѣ онъ убѣдился, что его „особѣ“ пока ничего не угрожаетъ, что онъ лишь вещь, которой распоряжаются другіе, что онъ, по имъ самимъ для другихъ заведенному порядку, лишь препровождается „при пакетѣ“, изъ одного мѣста заключенія въ другое...

Могло-ли самодержца горшее постигнуть униженіе! А онъ? Постигъ ли онъ всю глубину своего паденія, паденія принципа, котораго онъ былъ олицетвореніемъ? А если постигъ,—то какъ могъ послѣ этого продолжать жить? Какъ могъ не наложить на себя рукъ?

Какъ могъ?

Но можетъ быть, онъ, затаивъ злобу и месть, живетъ надеждой на то, что не все еще пропало, что судьба готовитъ ему сладкій часъ отмщенія? Быть можетъ, въ его изгнаніе проникли радостныя вѣсти объ утомленіи борьбой, о жаждѣ нарушеннаго спокойствія, уюта и порядка, хотя бы даже кроваваго...

Быть можетъ, его вѣрные слуги сообщили ему радостную вѣсть о томъ, какъ въ истомленной и измученной Россіи эта жажда претворяется въ жизнь, перековывается въ дѣло...

И онъ воспрялъ духомъ... И духовнымъ взоромъ проникъ сквозь завѣсу будущаго и видитъ приближеніе того часа, когда онъ возсядетъ на прародительскомъ престолѣ?

Быть можетъ, это заставляетъ его хвататься за жизнь, уповать и надѣяться...

Быть можетъ!

К. О. Н.

Близъ ложа моего печальная
свѣча горитъ...

Пушкинъ.

Мыслей обрывки, лоскутья мечты...
Сердце замретъ, и почудится снова
Радость улыбки, цвѣты и цвѣты,—
Много цвѣтовъ и безумное слово...

Помню всегда-ли?—Всегда. Глубоко.
Раннее утро и запахъ сирени?
Помню. И солнце?.. Роса?.. Да, легко!
Утро и вечеръ. И снова ступени...

Дэвионъ.

Штрихи пролетарской эстетики Верхарна.

Прошедшій XIX в. былъ бы незаконченнымъ, неполнымъ, еслибы его не украсилъ на самомъ исходѣ неистовый Э. Верхарнъ,—великій Данте современнаго капитализма,—своей стремительной, огненно-бурной поэзіей „мятежныхъ силъ“, „городовъ-спрутовъ со щупальцами“, властительныхъ и буйныхъ ритмовъ, пылающихъ и грохочущихъ горновъ. Современная чудовищная индустрія,—машины, демось,—до Верхарна не была воспѣта,—ее впервые воспѣлъ въ неотразимыхъ, пламенныхъ образахъ великій энтузіастъ.

Бѣшеная горячка „накопленія“ капитализма въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія нашла своего выразителя, свою грандіозную промышленную эпопею въ его творествѣ, въ поэмахъ золота, металла, пожаровъ и крови, гдѣ расплавленной лавиной встаютъ передъ нами сумрачные силуэты огромныхъ городовъ, неистовость бури народныхъ толпъ, копи и шахты, а рядомъ съ ними—умирающіе, молчаливые монастыри.

Все превратилъ въ поэмы Верхарнъ: и современныя идеологии, беспощадную тяжбу промышленности и земле-

дѣлія, финансовые кризисы, выводы философіи, завоеваніе искусствъ и ремеслъ. Воспитанный въ „черной странѣ“—Бельгіи, въ странѣ копей и шахтъ, среди „грома молота и стона руды“, въ гущѣ „чумазныхъ кузнецовъ, грузчиковъ, перевозчиковъ и шахтеровъ“,—Верхарнъ не могъ не впитать въ свою жадную, всеобъемлющую душу фламандца, соотечественника Рубенса,—все, до дна, до послѣдней капли жизнь современности. Его называютъ поэтомъ всеобъемлющимъ, поэтомъ современности, нашихъ дней, и даже—поэтомъ завтрашняго дня. Въ горнилахъ клокочущей и грохочущей жизни, среди ропота, ярости и криковъ толпы, Верхарнъ въ образѣ Бронзоваго Чернаго Кузнеца видитъ ясно въ глубинѣ столѣтій золотую мечту о полномъ социальномъ преобразованіи жизни и освобожденіи человѣка:

Когда содружества простѣйшіе уроки
Дадутъ народамъ—миръ, а жизни—свѣтлый строй;
Не будутъ люди, злобны и жестоки,
Какъ волки, грызться межъ собой;

И будетъ жизнь людей проста, ясна... („Кузнецъ“).

Черный Кузнецъ, великій преобразитель и строитель царства Будущаго,—Содружества, Красоты,—может ковать новыя формы общежитія человѣчества, онъ может раздробить оковы всѣхъ преградъ къ Новому Пролетарскому Царству. И онъ раздробить! . .

Кузнецъ стучить, старикъ куетъ
За днями день, за годомъ годъ.

Никто такъ пророчески, такъ восторженно не воспѣлъ мощь и творчество Кузнеца, какъ Верхарнъ, и понятно, и творчество самого Верхарна стало особо мощнымъ, жизненнымъ, здоровымъ, цѣльнымъ, превратившимся въ руду, въ пламя, стало само плотью и кровью только тогда, когда онъ поборолъ въ себѣ разѣдающій пессимизмъ и убійственную иронию, и скепсисъ, и ретроспективный декадансъ, только тогда, когда впервые увѣровалъ въ социализмъ, въ коллективъ Толпы, въ „Мятежныя Силы“, въ „Властительные Ритмы“ шахтъ и копей, въ Горнъ Чернаго Кузнеца. Послѣ долгихъ, мучительныхъ самонеканій, послѣ поѣздки въ пролетарскій Лондонъ, душа поэта—скорбника и нытика, увидя и понявъ чудовищную современную индустрію, „духъ машинъ“, выздоровѣла и возродилась просвѣтленной, мощной, гармоничной. Случилось то же самое, что и съ К. Марксомъ въ свое время.

90-е годы были эпохой возрожденія для Верхарна. Въ 1892 г. Верхарнъ вмѣстѣ съ Вандервельде основали въ Брюсселѣ при „Народномъ Домѣ“ художественную секцію, гдѣ читались лекціи для рабочихъ о современном искусствѣ, исполнялись оперы Вагнера, устраивались литературные вечера. Въ эти счастливые годы возрожденія, роста и накопленія безудержной мощи Верхарнъ всталъ во всю мощь гения и творческой работоспособности, сталъ—по справедливости—властителемъ думъ, чувствъ и настроеній современной эпохи,—ея вѣщносцемъ. Сталъ Новымъ Европейцемъ, великимъ энтузіастомъ, прозрѣвшимъ въ глубь столѣтій, поэтомъ Завтрашняго Дня.

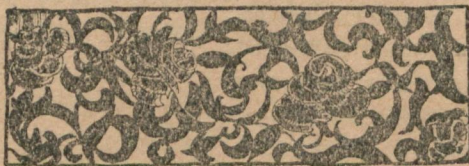
Верхарнъ—создатель желѣзнаго, свободнаго, ритмическаго стиха,—впервые имъ въ поэзію введены новыя „виды“

и „роды“. Для него,—„поэтического“ и „непоэтического“ не существуетъ. Все для него—поэзія. Во всемъ Верхарнъ начинатель, новаторъ; въ томъ огромная его заслуга передъ литературой. Впервые имъ властно въ область искусства выдвинуты социальныя проблемы, и встали грозно на фонѣ пламени Кузнецъ, Трибунъ,—новые герои нашего времени, многоликая, многоголосая толпа, яростная, грозная, властная улица мятежа. Верхарнъ проникся величіемъ героевъ и гениевъ труда и „Трудовой Стихіи“, Трудового Подвига, величіемъ созидających, во вселенской мастерской, у своихъ огнедышащихъ горновъ, подъ ритмическіе звоны молота новыя кристалльныя формы Новой преображенной Мастерской Вселенной; Верхарнъ проникся любовью и отдалъ должное должному—ввелъ Чумазыхъ въ святилище искусства, на пьедесталъ божескаго, какъ современный Данте, долго бродившій по безконечнымъ лабиринтамъ гробницъ тлѣна и міазмовъ, задыхающійся въ мрачныхъ склепахъ бездушной, пустой, червоточной культуры собственническаго скряжничества и ханжества разлагающейся буржуазіи.

Это вторая огромная заслуга Верхарна передъ Чернымъ Кузнецомъ.

Третья заслуга—онъ освободилъ эстетику, чистое искусство отъ монополій музейнаго диллетантизма. Верхарнъ раскрѣпостилъ поэзію отъ всего „поэтического“:—сентиментальничанья, „чувствительнаго“, жеманнаго, вылощеннаго, правда, цѣной личныхъ болѣзненныхъ надрывовъ, будучи самъ въ раннюю пору во власти эгоцентризма и аморализма. Міръ верхарновской поэзіи есть міръ, превращенный имъ въ грандіозную мастерскую пластическаго и монументальнаго. Верхарнъ—несомнѣнный пластикъ. Онъ монументаленъ въ искусствѣ. Монументальное, пластическое и коллективное—особыя яркія черты творчества Верхарна, и это его роднитъ съ другимъ такимъ же титаномъ—поэтомъ У. Уитманомъ—пѣвцомъ „плотничьяго топора“, для котораго также одинъ основной девизъ: жить и работать—Для Всѣхъ.

Рабочій Николай Погодинъ.

О Всадникъ Бронзовый! Твой лавроносный лобъ
въ недвижности литой зрѣть гнѣвные закаты;
ихъ пламя повторивъ, напряженные латы
не чуютъ за спиной иныхъ огней потопа.

Отъ газовъ сдавленныхъ тамъ лопнулъ ветхій гробъ;
истерты, сметены безсильные охваты.
О Всадникъ Бронзовый! Твои дѣла распяты
у взморій илѣстыхъ, у заводскихъ трущобъ.

Тамъ ржавой осенью и сгнившею зимою
кровавый колютъ ледъ, мѣшаютъ пламя съ тьмою
и трупы чумныя когтятъ тупымъ багромъ,—

Тамъ изступленный вихрь рветъ на дыбы Свобода.
Такъ, впившись въ колоколъ, оглохшій Квазимодо
надъ гулкой бездною набатный шпоритъ громъ.

Георгій Шенгели.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГЛАВА V.

Я сразу съ головой окунулся въ бурныя волны революціонной дѣятельности.

Въ „Пролетаріатѣ“ работа уже была налажена, организована... Въ то самое время, какъ въ „Солидарности“ люди томились безъ дѣла, здѣсь, наоборотъ, для дѣла не хватало людей... Въ особенности, въ тотъ моментъ, когда я предложилъ партіи свои услуги. Это было въ концѣ сентября 1883 года... Варынский, Ентысъ, Плоскій выбыли изъ строя, со дня на день можно было ожидать новыхъ арестов... Особенно ощутителенъ былъ, конечно, арестъ Варынскаго.

Душа и организаторъ партіи, опытный конспираторъ, въ теченіе шести лѣтъ ускользавшій отъ жандармовъ и пріобрѣтшій реномѣ неуловимаго, Варынский попался въ руки полиціи совершенно случайно и по своей собственной непростительной оплошности... Онъ оставилъ на прилавкѣ въ магазинѣ, гдѣ покупалъ почтовые марки, свертокъ съ корректурами статей,—въ частности, знаменитой нынѣ „Варшавянки“.. Хватившись, онъ, вмѣсто того, чтобы по возможности скорѣе скрыться, вернулся, взялъ свертокъ и спокойно направился въ ближайшую кондитерскую, гдѣ у него было назначено свиданіе съ Вѣрой Шулепниковой, членомъ организаціи „Народной Воли“, скрывавшейся въ Варшавѣ и занимавшейся, главнымъ образомъ, сборомъ средствъ среди русскихъ либеральныхъ чиновниковъ въ пользу политическихъ заключенныхъ...

Нѣсколько минутъ спустя, въ кондитерскую вошелъ околodочный, увѣдомленный уже лавочникомъ о содержаніи вскрытаго имъ оставленнаго Варынскимъ пакета...

Сразу сообразивъ, какая опасность ему угрожаетъ, Варынский, не подавая виду, что замѣтилъ околodочнаго, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ бесѣду со Шулепниковой, не спуская глазъ съ него... Пакетъ съ корректурными листами лежалъ на столѣ, и на него были устремлены взоры околodочнаго. Это не ускользнуло отъ глазъ Варынскаго, и въ рѣшительный моментъ, когда околodочный, какъ гончая, бросился на добычу, Варынский схватилъ пакетъ и забросилъ его подъ диванъ... Остроумный полицейскій сунулъ туда же за пакетомъ. Этого только и ждалъ Варынский. Подтолкнувъ его дальше подъ диванъ, онъ схватилъ Шулепникову за руку, выбѣжалъ изъ кондитерской, ее направилъ въ одну сторону, а самъ стремглавъ бросился въ другую.

Только минутой спустя выбѣжалъ околodочный вслѣдъ за нимъ изъ кондитерской... Началась погоня... На свистокъ околodочнаго со всѣхъ сторонъ сбѣжались городовые... Еще нѣсколько минутъ—и самый крупный социалистическій дѣятель въ Польшѣ очутился въ цѣпкихъ рукахъ полицейскихъ...

Всѣ документы, какіе были при немъ, онъ успѣлъ уничтожить. Шулепникову онъ спасъ отъ ареста—и она только нѣсколько мѣсяцевъ спустя была арестована въ Кіевѣ,—но самъ погибъ... Два года съ лишнимъ онъ провелъ въ предварительномъ заключеніи въ Х Павильонѣ Варшавской Цитадели, а затѣмъ, приговоренный къ 16 годамъ каторжныхъ работъ, былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, откуда, по заявленію одного изъ жандармскихъ генераловъ, „не выходятъ, откуда выносятъ“... Онъ тамъ заболѣлъ туберкулезомъ, и его вынесли и схоронили подъ тюремными воротами, на берегу озера, въ мѣстѣ, гдѣ и до него, и послѣ него хоронили многихъ...

Въ 1905 году, когда ворота царской Бастиліи на нѣкое время открылись, я отправился туда вмѣстѣ съ покой-

нымъ Рехневскимъ и разспрашивалъ бывшихъ жандармовъ, добываясь отъ нихъ указанія мѣста, гдѣ онъ похороненъ...

— Здѣсь гдѣ-нибудь,—отвѣтили жандармы, указывая на мѣсто, сплошь покрытое щебнемъ и камнями, ничѣмъ не напоминавшее могилы.

— Здѣсь?

— Должно быть, здѣсь... Отгребешь камни, выкопаешь яму, спустишь гробъ, а затѣмъ все опять землей, щебнемъ и камнями выравнешь...

— Всѣхъ такъ хоронили?...

— Всѣхъ...

Другой видный дѣятель партіи, Александра Ентысъ,¹⁾ классная дама и учительница математики въ Марійскомъ Институтѣ въ Варшавѣ, была арестована на почтѣ въ моментъ, когда пришла за письмами, присылаемыми *poste restante*... Отказъ назвать свою фамилію спасъ Ентысъ... Кто-то замѣтилъ, что ее вывели изъ почты въ сопровожденіи жандармовъ, вся организація была поставлена на ноги, а бывавшая у нихъ часто въ институтѣ Витольда Карповичъ²⁾, помчалась на извозчикѣ въ институтъ, очистила квартиру отъ всего подозрительнаго, часть бумагъ сожгла, другую увезла, нелегальные изданія и типографскія принадлежности уложила въ корзину и отвезла на храненіе на вокзалъ, а оттуда, уже на другомъ извозчикѣ,—на другую квартиру.... Поблизости отъ института Карповичъ встрѣтилась съ жандармами, уже установившими личность Ентысъ и направлявшимися въ институтъ... Къ счастью, тамъ уже никого и ничего не нашли. Только этому Ентысъ обязана тѣмъ, что не попала на скамью подсудимыхъ и отдѣлалась лишь административной ссылкой въ Сибирь...

Плоскій—третій изъ арестованныхъ въ эти памятные дни—въ организаціонной и агитаціонной работѣ не принималъ болѣе дѣятельнаго участія. Литераторъ-публицистъ, онъ служилъ партіи по-преимуществу перомъ, для работы среди рабочихъ не подходилъ, и поэтому его арестъ былъ въ то время для партіи менѣе ощутителенъ, чѣмъ арестъ Варынскаго и Ентысъ, который былъ невознаградимой потерей...

Только этой потерѣ слѣдуетъ приписать то, что я, въ то время еще совсѣмъ зеленый юноша, могъ съ головой окунуться въ революціонную работу... Моимъ „крестнымъ отцомъ“ въ этой работѣ былъ казненный впоследствии Станиславъ Куницкій Живой, какъ ртуть, быстро воспламеняющийся, типичнѣйшій „народоволецъ“, въ Россіи враждавшійся въ интеллигентскихъ террористическихъ кружкахъ, онъ въ Польшѣ только впервые столкнулся съ рабочимъ классомъ и буквально опьянѣлъ отъ восторга. По материнскому, воспитывавшемуся въ Россіи, плохо владѣвшему польскимъ языкомъ и плохо ориентировавшемуся на первыхъ порахъ въ польскихъ отношеніяхъ, онъ нѣкоторое время колебался и терзался сомнѣніями, сможетъ-ли онъ работать среди польскихъ рабочихъ... Но его влекло къ нимъ... Онъ интуитивно чувствовалъ, что теперь только передъ нимъ настоящій революціонный элементъ, и, увлеченный, строилъ воздушные революціонные замки...

Обо мнѣ онъ уже слышалъ, зналъ, что я—человѣкъ, въ политическомъ отношеніи „надежный“, и съ перваго же слова настаивалъ на томъ, чтобы я перенялъ нѣкоторыя связи съ рабочими и самостоятельно велъ для начала одинъ кружокъ...

¹⁾ По мужу Булгакова.

²⁾ Впоследствии по мужу Рехневская.

Я струсилъ...

— Боюсь, что не справлюсь...

— Пустое! Введемъ васъ... Присмотритесь...

Въ ближайшее воскресенье я не безъ волненія сидѣлъ въ трактирѣ и ждалъ прихода представителей кружка и Куницкаго, который долженъ былъ „на практикѣ“ показать мнѣ, какъ это „дѣло“ вести...

Долго ожидать мнѣ не пришлось. Запаздываніе на сходку не допускалось... Въ назначенное время пришелъ Куницкій, а нѣсколько минутъ спустя и двое рабочихъ... Въ трактирѣ было людно... Сидѣвшіе за другими столиками ничѣмъ не отличались отъ насъ. Мы такъ же были одѣты, какъ они, такъ же сидѣли за кружками пива, такъ же вполголоса бесѣдовали...

— Ну, что у васъ слышно?—спросилъ Куницкій.

Рабочіе, одинъ пополняя рассказъ другого, передавали о всемъ случившемся на фабрикѣ за истекшую недѣлю, о наложенныхъ на рабочихъ штрафахъ, объ отказѣ отъ работы, о столкновенияхъ съ директоромъ и мастерами...

Этотъ ихъ рассказъ послужилъ для Куницкаго темой для пропаганды...

Онъ довольно ловко и умѣло переходилъ отъ частнаго къ общему, отъ частныхъ явленій на данной фабрикѣ—къ положенію рабочихъ вообще, говорилъ объ эксплуатаціи и гнетѣ, какъ явленіяхъ, неизбѣжныхъ при капиталистическомъ строѣ, рассказывалъ о будущемъ социалистическомъ строѣ и закончилъ призывомъ организоваться. Рабочіе слушали его, отъ времени до времени поддакивая, или приводя примѣры въ подтвержденіе услышаннаго отъ Куницкаго.

Нѣмой свидѣтель всей этой бесѣды, я окончательно оробѣлъ... У Куницкаго все выходило и складно и убѣдительно, просто и естественно, въ то время какъ у меня, когда я шелъ на это свиданіе, рисовалась въ головѣ совсѣмъ другая картина, болѣе эффектная, обставленная болѣе декоративно... Да и по существу, какъ мнѣ казалось, я бы не сѣмѣлъ отвѣтить такъ дѣльно и дѣловито на всѣ вопросы...

Подавленный своимъ невѣжествомъ и неспособностью, я не вмѣшивался въ разговоръ... Но Куницкій не забывалъ о своей роли наставника.

— Вотъ теперь товарищъ „Стожекъ“ будетъ постоянно приходить къ вамъ въ кружокъ,—сообщилъ онъ рабочимъ, указывая на меня.

Еще наканунѣ онъ окрестилъ меня „Стожекомъ“, своеобразно примѣняя эту кличку къ моей фамиліи... „Конъ“, послѣ присоединенія латинскаго окончанія, преобразился въ „конусъ“, а „конусъ“—въ переводѣ на польскій языкъ—значить „стожекъ“—стожокъ. Съ теченіемъ времени кличку „Стожекъ“ смѣнила кличка „Стожинскій“, а въ сношеніяхъ съ русскими—„Стоговъ“,—псевдонимы, подъ которыми мнѣ не разъ впослѣдствіи приходилось выступать и на литературномъ поприщѣ.

— А въ какіе дни у васъ собирается кружокъ?—спросилъ я, лишь бы что-нибудь сказать.

— Ну, вы уже тутъ сами договоритесь,—поднялся со стула Куницкій—мнѣ уже пора...

Вечеромъ, когда я встрѣтился съ „Чернымъ“—какъ мы тогда называли Куницкаго, онъ сознался, что нарочно меня оставилъ одного съ рабочими, чтобы заставить меня вступить съ ними въ бесѣду и вынудить самостоятельно отвѣчать на всѣ ихъ вопросы... Хорошій педагогъ, онъ не предусмотрѣлъ лишь того, что я, только что снявшій мундирчикъ гимназиста юноша, вполнѣ усвоилъ всѣ приемы „втиранія очковъ“, уклоненій отъ отвѣтовъ, заговариванія зубовъ. Опасаясь этого tête-à-tête, я немедленно послѣ ухода „Чернаго“ перевелъ разговоръ на вышедшій тогда первый номеръ „Пролетаріата“ и на возвращенную имъ по прочтеніи брошюру П. Крапоткина „Къ молодежи“... Мы

вышли изъ трактира и, забывъ о необходимости соблюдать конспирацію, медленно, разговаривая о прочитанномъ, направились въ Лазенковскій паркъ.

Рабочіе, такіе же зеленые юноши, какъ я, но менѣе, чѣмъ я, читавшіе на своемъ вѣку, слушали меня внимательно, обращались за разъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій, непонятыхъ ими отрывковъ...

Мою робость—какъ рукой сняло... Я оживился, забылъ, что я не въ своей, ученической, средѣ, а въ средѣ рабочихъ, и говорилъ просто, съ увлеченіемъ.

Ледъ былъ сломанъ. Мы сблизились, подружились... Что я далъ въ то время рабочимъ—не знаю, во всякомъ случаѣ, весьма немного, они же дали мнѣ вѣру въ свои силы, въ мою годность для работы.

Вечеромъ я сообщилъ Куницкому о своемъ первомъ дебютѣ.

Снисходительной, доброй улыбкой онъ поощрялъ меня къ дальнѣйшей работѣ...

— Я тоже вначалѣ робѣлъ,—сознался онъ искренно: но нѣтъ работы, которая бы давала большее удовлетвореніе...

Онъ былъ правъ... Я втянулся въ эту работу, сначала работалъ въ Варшавѣ, послѣ въ Лодзи и Бѣлостокѣ,—и всякій разъ, когда я уходилъ изъ собранія съ рабочими съ сознаниемъ, что я имъ что-то далъ, что-то разъяснилъ, я испытывалъ такое чувство удовлетворенія, какого никакая другая работа мнѣ никогда не давала.

— Я все время учился и училъ... Учился не только по книгамъ. Часто рабочіе вливали въ мои познанія струю реальной жизни, ставили вопросы, выдвигаемые жизнью, о которыхъ я до этого не думалъ, и я долженъ былъ на нихъ дать имъ отвѣтъ... Изрѣдка случалось, что я этого отвѣта не имѣлъ, и чистосердечно сознавался...

— Не знаю, что вамъ сказать... Я посоветуюсь съ другими...

И я совѣтовался съ болѣе опытными товарищами, рылся въ книгахъ, иной разъ по нѣсколько дней бился надъ вопросомъ...

А этихъ, выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ были сотни. Жизнь рабочаго класса со всѣми ея болями и страданіями развертывалась передо мной, какъ въ какомъ-то калейдоскопѣ...

Въ одной фабрикѣ юный фертъ-инженеръ не давалъ проходу работавшей на той же фабрикѣ женѣ рабочаго; въ другой нѣмецъ-мастеръ третировалъ, какъ скотъ, „die polnische Schweine“, въ третьей отечественный владѣлецъ фабрики обращался съ польскими же рабочими, какъ съ „быдломъ“ (скотомъ); еще въ иной—сами же рабочіе не могли примириться съ тѣмъ, что въ ихъ среду затесался „жидъ“...

Въ Бѣлостокѣ первые пролетаріи-евреи, какихъ мнѣ пришлось встрѣтить, горько жаловались на судьбу, заставившую ихъ зарабатывать хлѣбъ свой въ качествѣ рабочихъ... И въ этомъ отношеніи они, считая такую работу для себя униженіемъ, сходились во взглядахъ съ сотнями польскихъ дворянъ, обездоленныхъ во время и послѣ возстанія 1863 года и заполнившихъ ряды пролетаріата...

Но, одинаково воспринимая обрушившіеся на нихъ удары, эти двѣ категоріи далеко не одинаковую роль играли въ рабочемъ движеніи...

Рабочіе евреи, въ то время забытые, я бы сказалъ, придавленные къ землѣ, покорно склоняли голову подъ ударами судьбы, мечтая лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь пробиться, прожить... Только исключительныя личности изъ ихъ среды нашли въ себѣ столько силы, чтобы порвать съ традиціями среды, не только въ силу факта, но и идейно слиться съ пролетаріатомъ, войти, какъ полноправный членъ, въ пролетарскую семью и поднять знамя борьбы за освобожденіе.

Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляли рабочіе-шляхтичи... Войдя въ рабочую семью, они внесли въ нее вынесенный изъ дворянской среды „гоноръ“, понятіе о чести, о личномъ достоинствѣ.

Малѣйшее грубое обращеніе съ ними вызывало съ ихъ стороны отпоръ, и они первые зажгли факелъ бунта въ польскомъ рабочемъ классѣ, на первыхъ порахъ были „зачинщиками“, вождями; они первые откликнулись на зовъ партіи...

На первыхъ порахъ каждая встрѣча съ рабочими была для меня откровеніемъ.... Я не ожидалъ встрѣтить того, что

увидѣлъ... Никакія книги никогда въ жизни не дали мнѣ столько, сколько дало это ознакомленіе съ жизнью рабочаго, жизнью, въ одномъ отношеніи рѣзко отличавшейся отъ зна-
комой мнѣ жизни буржуазіи... Въ ней не было той оттал-
кивающей фальши, того противорѣчія между словомъ и со-
держаніемъ, какое толкнуло меня отъ „ликующихъ, праздно-
болтающихъ, обагрившихъ руки въ крови“—въ ряды „поги-
бающихъ“...

Незабвенныя минуты, связавшія меня на всю жизнь съ этими „погибающими“!

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

ВЪ СУМЕРКИ.

Расплывчатымъ лиловымъ дымомъ
Овить уединенный домъ.
Мечтаешь о неуловимомъ—
И забываешь о земномъ!
И чередой идутъ волнистой,
Такою мутною и мгlistой,
Какъ ноябрю сырые дни,—
Воспоминанія мои.
О солнце въ голубомъ просторѣ,
Какъ мы печальны и бѣдны!..

Намъ даже страшно той страны,
Гдѣ въ золотѣ ликуетъ море
И буйно шлетъ за валомъ валь
На пестрые кольчуги скалъ.

Мы любимъ небосводъ понурый,
Покрытый саваномъ сѣдымъ,
И сѣверъ будничный и хмурый
Зовемъ любимымъ и роднымъ.

Александръ Гатовъ.

МАКЛЕЦОВЪ. Задумчиво-вдохновенное лицо, не выражающее ничего, кроме принадлежности къ великой партіи „народной свободы“. Поборникъ чистой возвышенной свободы, гражданской, равно какъ политической, а также неограниченнаго народовластія. Поэтому онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ допустить оскверненія идеала его воплощеніемъ въ жизнь. Врагъ всякаго насилія надъ свободой. Врагъ всякаго насилія вообще. Ножъ не беретъ въ руки даже за обѣдомъ. Въ началѣ революціи произнесъ рѣчь, которая на него самого произвела такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ ее повторяетъ съ тѣхъ поръ при каждомъ удобномъ случаѣ, въ связи съ каждымъ очереднымъ текущимъ моментомъ. Въ молодости пережилъ страшный ударъ: прочелъ протоколы III-го сѣзда Р. С.-Д. Р. П. Боязнъ отвѣтственности за храненіе въ головѣ нелегальной литературы мучаетъ его до сихъ поръ. Слѣды потрясенія не изгладились донинѣ. Считаая социалистовъ единственными врагами свободы, ведетъ съ ними неустанную героическую борьбу вплоть до того, что однажды нанесъ имъ въ засѣданіи Думы самое страшное, по его мнѣнію, оскорбленіе, заявивъ, что настоящіе социалисты, это — кадеты. Но и онъ не чуждъ социализму: при встрѣчѣ съ Саномъ пожимаетъ ему руку. Любители злыхъ насмѣшекъ называютъ Маклецова старой дѣвой либерализма. Это совершенно неосновательно. Чтобы любить дѣвственно чистую свободу и неустанно бороться за нее съ революціей и социализмомъ, мало быть старой дѣвой: надо еще быть кадетомъ.

ГЕРКЕВИЧЪ. Не удивляйтесь, что образцовый представитель партіи бабушки находится рядомъ съ кадетомъ, да еще съ правой стороны отъ него. Это, конечно, простая случайность, и изъ нея прошу не дѣлать никакихъ выводовъ. Отличается нѣжностью въ своихъ отношеніяхъ къ политическимъ друзьямъ. Среди своей партіи рѣзко выделяется чернымъ цвѣтомъ. Опять таки, настойчиво прошу не видѣть въ этомъ никакого намека. Дѣло въ томъ, что украшеніемъ Геркевича является столь пышная волна черныхъ кудрей, что художникъ старательно ихъ обрѣзалъ, боясь нареканій на чрезмѣрность шаржированія головъ уважаемыхъ политическихъ дѣятелей. Прекрасный ораторъ, хотя отъ публичныхъ выступленій изъ скромности воздерживается. Превосходный литераторъ, хотя пишетъ неизвѣстно подъ какимъ псевдонимомъ. Замѣчательный драматургъ, и въ засѣданіяхъ Городской Думы неоднократно бывали разыграны небольшія политическія комедіи его сочиненія. По политическимъ убѣжденіямъ принадлежитъ къ „просто“ социалистамъ-революционерамъ, примыкая къ промежуточной группѣ между центромъ и правыми съ очень значительнымъ уклономъ въ сторону чистаго оборончества, но сохраняя связь съ черновцами и въ политической тактикѣ блокируясь съ кадетами, образуя, такимъ образомъ, въ составѣ своей партіи фракцію, очень близкую къ народнымъ социалистамъ, поддерживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, организаціонную связь съ крайнимъ правымъ крыломъ социаль-демократовъ. Эта поразительная четкость, опредѣленность и ясность политическихъ убѣжденій заслуженно поставила Геркевича во главѣ той части думской фракціи социалистовъ-революционеровъ, которая въ свое время была, очевидно, выбрана солдатами и нечаянно забыта ими въ Харьковѣ при демобилизаціи.

РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

СПРАВКА. ЧЕРНОВЪ, Викторъ Михайловъ, 44 года, потомственный дворянинъ Саратовской губ. Воспитывался въ саратовской и юрьевской гимназіяхъ. По окончаніи послѣдней поступилъ въ Московскій Университетъ. Женатъ на Анастасіи Николаевой, урожденной Слетовой. Привлекался въ 1894 году къ дознанію по дѣлу „Партіи Народнаго Права“ (смоленская тайная типографія) и по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 22/XI 1895 г., по вѣнненіи въ наказаніе предварительнаго заключенія подъ стражей, подлежалъ подчиненію гласному надзору полиціи на три года внѣ столицъ, столичныхъ губерній, университетскихъ городовъ, Ярославля, Риги, Твери, Нижняго Новгорода, Самары, Саратова и Орла. Въ виду сего водворенъ былъ на жительство въ г. Тамбовѣ. По окончаніи срока надзора, 1 мая 1899 года Черновъ вмѣстѣ съ женой выбылъ за границу по паспорту, выданному тамбовскимъ губернаторомъ 3/IV 1899 г. за № 31. Подлежалъ привлеченію, въ качествѣ обвиняемаго, по дѣлу обнаруженной въ Тамбовѣ подпольной типографіи и, кромѣ того, по другому дѣлу, производившемуся въ С.-Петербургѣ, по обвиненію въ принадлежности къ партіи социалистовъ-революціонеровъ. На основаніи высочайшаго указа отъ 21/X 1905 г. никакому наказанію по сему дѣлу не подлежитъ. Скрывшись за границу, Черновъ поселился въ Парижѣ, гдѣ сталъ во главѣ Центральнаго Комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ. Въ маѣ 1906 г. въ С.-Петербургѣ сталъ выходить органъ партіи социалистовъ-революціонеровъ „Мысль“, фактическимъ редакторомъ котораго былъ прибывшій нелегально въ Россію Черновъ. Въ іюнѣ того же года въ редакціи упомянутой газеты, въ виду полученныхъ свѣдѣній, что тамъ происходило Собраніе Совѣта и Центральнаго Комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ, былъ произведенъ обыскъ, причемъ задержано 16 человекъ, въ томъ числѣ и Викторъ Черновъ, успѣвшій, однако, вслѣдъ за задержаніемъ его

скрыться. Означенное дѣло по постановленію С.-Петербургскаго Губернскаго Совѣщанія 26 марта 1907 г. прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій. Въ іюлѣ 1908 г. Черновъ присутствовалъ на происходившемъ въ Лондонѣ съѣздѣ социалистовъ-революціонеровъ.

Примѣты: средняго роста, шатенъ, лицо пухлое, курносый, борода кругомъ ровная, длинные волосы, затылокъ большой.

СПРАВКА: ЦЕДЕРБАУМЪ, Юлій Осиповъ (Осифовъ), (кличка „МАРТОВЪ“), сынъ потомственнаго почетнаго гражданина, родился 20-го ноября 1873 года въ г. Константинополѣ, вѣроисповѣданія іудейскаго, русскій подданный. Окончилъ въ 1891 г. курсъ въ С.-Петербургской 1-й гимназіи, поступилъ въ томъ же году въ С.-Петербургскій Университетъ, откуда былъ исключенъ въ 1892 г. Авторъ многихъ революціонныхъ изданій и сотрудникъ газеты „Искра“. Въ 1892 г. привлекался при С.-Петербургскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи къ дознанію по дѣлу о разсылкѣ по почтѣ воззваній „Свободное Слово“ и „отъ группы народовольцевъ“ и по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1892 г., подвергнутъ тюремному заключенію на 5 мѣсяцевъ. Въ 1894 г. Мартовъ вновь привлеченъ при С.-Петербургскомъ Губ. Жанд. Управл. къ дознанію по дѣлу о преступныхъ кружкахъ среди учащейся молодежи въ С.-Петербургѣ. По соглашенію съ г.г. министрами: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, дознаніе это въ отношеніи Мартова дальнѣйшимъ производствомъ прекращено съ подчиненіемъ обвиняемаго негласному надзору полиціи. Въ 1897 г. Мартовъ привлекался къ дознанію по дѣлу о С.-Петербургскихъ социаль-демократическихъ кружкахъ и по высочайшему повелѣнію 29/1 1897 г. высланъ подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на три года,

съ воспрещеніемъ, по освобожденіи его отъ надзора полиціи, жительства въ столицахъ и въ С.-Петербургской губ. и нѣкоторыхъ губерніяхъ и городахъ въ теченіе трехъ лѣтъ, не касаясь ограниченій въ избраніи имъ мѣста жительства, лежащихъ на немъ, какъ на евреѣ. По паспорту, выданному Полтавскимъ Губернаторомъ 23/II 1901 г. за № 38, Мартовъ выѣхалъ за границу, гдѣ вошелъ въ составъ Центральнаго Комитета Россійской социаль-демократической рабочей партіи, и былъ помѣщенъ въ розыскной циркуляръ Департамента отъ 22/VI 1901 г. за № 2234. Съ 1901 г. по сентябрь 1905 г. Цедербаумъ проживалъ въ Парижѣ и Женевѣ. Въ январѣ 1903 г. Мартовъ приобрѣлъ себѣ паспортъ на имя Лео Розенфельда, родившагося 12 го октября 1873 г. въ г. Тифлисѣ. Въ іюлѣ 1904 г. Мартовъ присутствовалъ на сѣздѣ представителей организацій Р. С. Д. Р. П. въ Брюсселѣ. Въ февралѣ 1906 г. Мартовъ привлекался при С.-Петербургскомъ Губ. Жандармскомъ Управл. къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по 129 ст. 2 п. Угол. Улож., причемъ основаніемъ для привлеченія Мартова послужило обнаруженіе по обыску въ конторѣ книгоиздательства Алексѣевой 43,500 экз. преступнаго содержанія воззванія „Классъ противъ класса“, сочиненія „Мартова“, авторомъ котораго и оказался Цедербаумъ, писавшій подъ псевдонимомъ „Л. Мартовъ“. По этому дѣлу Мартовъ содержался въ одиночной тюрьмѣ, а затѣмъ состоялъ подъ особымъ надзоромъ полиціи. 16-го іюля 1906 г. Мартовъ вновь былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ на Царско-сельскомъ вокзалѣ, причемъ по обыску у него были обнаружены революціонныя изданія и переписка, свидѣтельствующая о руководствѣ его дѣятельностью Р. С. Д. Р. П.,

въ качествѣ члена Центральнаго Комитета. Кромѣ того, изъ отобраннаго у него письма отъ мая 1906 г. усматривается, что онъ, какъ представитель фракціи меньшевиковъ, выступалъ, въ качествѣ оратора, на митингахъ, причемъ также видно, что означенная фракція проводила давленіе на трудовую группу въ Государственной Думѣ, доведя ее до изданія манифеста къ рабочимъ. Другіе же отобранные у него документы свидѣлствуютъ о его сношеніяхъ съ содержащимися подъ стражей членами Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Особымъ совѣщаніемъ, образованнымъ, согласно ст. 34 Пол. о государственной охранѣ 18 августа 1906 г., было постановлено: выслать Мартова въ Нарымскій край Томской губ. подъ гласный надзоръ полиціи на три года, считая срокъ съ 20 августа 1906 г., и разрѣшить выѣздъ за границу, взаменъ этого взысканія, съ тѣмъ, что въ случаѣ возвращенія Мартова въ предѣлы имперіи ранѣе 18 августа 1909 г., настоящее постановленіе подлежитъ исполненію. 15-го сентября того же года Мартовъ выѣхалъ за границу съ паспортомъ отъ 13/IX за № 17100. Въ 1907 г. Мартовъ присутствовалъ на V-мъ Всероссийскомъ социаль-демократическомъ сѣздѣ въ Лондонѣ и на VII-мъ международномъ конгрессѣ социалистическихъ партій въ Штуттгартѣ, а въ мартѣ 1908 г. присутствовалъ на засѣданіи Бюро Парижской группы, на которомъ рѣшено оказать содѣйствіе социаль-демократамъ, арестованнымъ въ Швейцаріи по дѣлу тифлискаго ограбленія. Затѣмъ Мартовъ входитъ въ составъ редакціи Центральнаго Органа Партіи „Социаль-Демократъ“.

Примѣты неизвѣстны.

Дѣятельность Харьковскихъ организацій Россійской Социаль-Демократической Рабочей Партіи въ 1916 году и наканунѣ революціи, по даннымъ жандармскаго управленія.

Въ тотъ моментъ, когда въ Петроградѣ уже совершался революціонный переворотъ, когда разгоралось возстаніе, и неотвратимость паденія самодержавія стала ясна, харьковскіе жандармы объ этомъ ничего не подозревали и спокойно продолжали свою повседневную работу.

25-го февраля 1917 года начальникъ харьковскаго губернскаго жандармскаго управленія получилъ отъ колл. сов. А. А. Огіевича подробный отчетъ объ итогахъ борьбы съ социалистическими организаціями въ г. Харьковѣ за весь истекшій годъ и о современномъ положеніи дѣлъ.

Снабженные обычнымъ надзаголовкомъ „совершенно-секретно“, эти донесенія давали обзоръ дѣятельности харьковскихъ революціонныхъ организацій по четыремъ группамъ: въ первую входили социаль-демократическія организаціи, безъ подраздѣленія на фракціи большевиковъ и меньшевиковъ, во вторую—партія социалистовъ-революціонеровъ,

въ третью—украинскія социалистическія организаціи и въ четвертую—анархисты-коммунисты.

Задача донесеній—подвести полицейскіе итоги и намѣтить перспективы. Положеніе дѣлъ по всѣмъ организаціямъ рисовалось жандармамъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ: цѣлый годъ сплошныхъ побѣдъ! Социаль-демократическія организаціи уничтожены совершенно. Остались только отдѣльныя лица, безъ связей и возможности работать. Социалисты-революціонеры и вовсе ничего не дѣлали, такъ что даже ликвидація послѣдней ихъ организаціи жандармами откладывалась по „соображеніямъ стратегическимъ“: уйти все равно не уйдутъ, а желательно было бы обстоятельнѣе освѣтить ихъ дѣятельность и затѣмъ взять всѣхъ сразу. Анархисты-коммунисты тоже были вырваны съ корнемъ. Украинцы проявляли незначительную дѣятельность въ интеллигентской средѣ.

Тѣмъ не менѣе, по всѣмъ четыремъ группамъ донесеніе заканчивается жалобнымъ выпрашиваніемъ новыхъ силъ и денежныхъ подкрѣплений. „Наружное наблюденіе, въ связи съ замѣчаемымъ въ настоящее время подъемомъ революціонныхъ силъ, должно быть усилено новыми филерами, такъ какъ наличный составъ ихъ (16 человекъ) не можетъ обслуживать одновременно существующія революціонныя организаціи въ г. Харьковѣ, что вредно отзывается на дѣлѣ розыска. Приходится съ полученіемъ серьезныхъ свѣдѣній по одной какой-либо организаціи прекращать наблюденіе за лицами другой организаціи. Такое наблюденіе скачками теряетъ свою планомѣрность и не можетъ дать желательныхъ результатовъ“.

Поразительное явленіе! Сегодня—25 февраля. Послѣ завтра погибнетъ монархія, и вмѣстѣ съ нею обрушится въ бездну историческаго небытія вся грандіозная система полицейско-жандармскаго строя. Время близить Россію къ великому моменту. Какъ ребенокъ, наступившій ногой на муравьиною кучу, давить и разгонять сотни тысячъ насѣкомыхъ, такъ революція сейчасъ разнесетъ и истребитъ жандармскій муравейникъ...

А между тѣмъ, охранники ничего не подозреваютъ о своей близкой гибели. Въ качествѣ своего завѣщанія, написаннаго въ формѣ послѣдняго сыскаго донесенія, они оставляютъ спокойный обычный документъ, свидѣтельствующій, какъ будто, о полномъ торжествѣ „благодичія и порядка“.

Въ этомъ съ очевидностью проглядываетъ чудовищная близорукость стараго режима, обезпечившаго внезапный и полный успѣхъ революціи. Величайшая и самая совершенная организація борьбы съ революціей не успѣла придумать никакихъ мѣръ самозащиты, была застигнута совершенно врасплохъ. Вѣдь, нельзя же считать методомъ самозащиты донесеніе по жандармскому начальству о томъ, что всѣ революціонныя организаціи вырваны съ корнемъ къ дню революціи, и что надо увеличить количество филеровъ, прибавивъ, кстаті, имъ жалованья на дороговизну...

Прекрасно приспособленный къ борьбѣ съ отдѣльными личностями, этотъ полицейскій аппаратъ не имѣлъ никакого оружія для борьбы съ массовымъ движеніемъ. До послѣдняго момента жандармы были увѣрены, что опасность революціоннаго рабочаго волненія въ Харьковѣ въ большихъ размѣрахъ вполнѣ предотвращена изытіемъ отдѣльныхъ лицъ и ликвидаціей организацій.

Повидимому, жандармы, зная все, не знали чего-то, какого-то магическаго ключа, открывающаго пути къ пониманію общественной жизни, на поверхности которой носились ихъ утлые кораблики, потопленные первымъ же шкваломъ революціи.

Видно, что полицейскій аппаратъ совершенно изжилъ себя и его спокойствіе наканунѣ великаго народнаго возстанія было признакомъ старческаго разложенія, гніенія заживо. Онъ не былъ сломленъ въ борьбѣ, но распался самъ. Въ этомъ свидѣтельство того факта, что и система жандармскаго насилія отмерла навсегда, что она не возродится ни при какой реакціи. Можетъ быть, будетъ хуже, но иначе, но совершенно по иному...

Обзоръ о дѣятельности мѣстныхъ, Харьковскихъ группъ Россійской Соціально-Демократической Рабочей Партіи въ 1916 г. и въ началѣ 1917 г.

Въ 1916 году было произведено шесть ликвидацій членовъ Харьковскихъ соціально-демократическихъ организацій:

1., 8/1. Мѣстная соціально-демократическая организація, въ лицѣ своихъ представителей различныхъ фракціонныхъ

теченіи, имѣли нѣсколько собраній, на каковыхъ былъ рѣшенъ вопросъ объ ознаменованіи 9-го января однодневной забастовкой. Къ этому дню было выпущено отъ имени „Совета соціально-демократическихъ организацій города Харькова“ воззваніе „Товарищи!“, отпечатанное типографскимъ способомъ, съ призывомъ: „Долой войну!“ Ликвидаціей этой была предотвращена забастовка. День 9-го Января прошелъ совершенно спокойно.

Утромъ 9/1 на Ново-Полевой улицѣ былъ задержанъ... Майзель, послѣ прохода котораго были обнаружены на этой улицѣ три экземпляра вышеуказаннаго воззванія.

Майзель и прошедшія въ эту ликвидацію лица: Тадеушъ Блумъ, Григорій Чалый и др. были привлечены къ Охранной перепискѣ.

Тогда же агентура указала, что воззваніе было отпечатано въ нелегальной типографіи, каковая находится у латышей... завода...

2, 23/II. 22/II на окраинѣ города, въ находящихся тамъ заводахъ, было распространено отпечатанное типографскимъ способомъ воззваніе отъ имени Комитета Харьковской организаціи Р. С.-Д. Р. П.: „23 Февр. международный женскій день“... Воззваніе это было распространено на высшихъ женскихъ курсахъ и въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ; нѣкоторыя лекціи на В. Ж. К. не состоялись... Въ цѣляхъ предотвращенія дальнѣйшаго распространенія этого воззванія, а равно на предметъ выясненія отмѣченныхъ наружныхъ наблюденіемъ мѣстъ были произведены 23 го Февраля обыски, каковымъ подверглись и извѣстные уже члены Комитета: Селиверстъ Пожъ, Григорій Чалый и другіе. Обыски ничего существеннаго для дѣла не дали. Надлежащей агентуры среди латышей заполучить еще не удалось.

Въ Февралѣ отмѣчена со стороны соціально-демократическихъ организацій серьезная борьба въ вопросѣ объ избраніи уполномоченныхъ отъ рабочихъ промышленныхъ предприятий въ мѣстный Военно-промышленный Комитетъ, каковая закончилась побѣдой „бойкотистовъ“; 14-го Февраля были назначены выборы; явились на таковые 61 выборщикъ, которые, положивъ въ основаніе своей резолюціи, что они не считаютъ себя представителями Харьковского пролетаріата, отъ выборовъ уполномоченныхъ отказались.—

3., 1/IV. Въ концѣ Марта отъ агентуры, какъ интеллигентной, такъ и рабочей, стали поступать категорическія указанія, что соціально-демократическая организація, во главѣ съ Комитетомъ, готовится ознаменовать 4-е Апрѣля, день Ленскихъ событій, проведеніемъ забастовки на фабрикахъ, заводахъ и т. п. предприятияхъ, а равно выпускомъ къ этому дню соответствующаго воззванія. Агентурою было отмѣчено собраніе представителей рабочихъ въ шесть часовъ вечера 24-го Марта на дачахъ Павлова, внѣ городской черты, на каковомъ собраніи рѣшено было агитировать за забастовку, причемъ членъ Комитета Чалый указалъ, что къ 4-му Апрѣля будетъ выпущено воззваніе; наружное же наблюденіе отмѣтило вечеромъ 30-го Марта сходку изъ 9 лицъ, интеллигентныхъ силъ, главнымъ образомъ, членовъ студенческой соціально-демократической фракціи, въ квартирѣ студента Ново-Александрійскаго Института Колмакова. Въ ночь на 1-е Апрѣля была произведена ликвидація какъ интеллигентныхъ работниковъ, такъ и рабочихъ, которые затѣмъ и были привлечены къ Охранной перепискѣ. Ликвидаціей этой предотвращенъ выпускъ воззванія, забастовка не прошла, день 4-го Апрѣля ничемъ не ознаменовался и прошелъ совершенно спокойно. Этой же ликвидаціей удалось заполучить сотрудника изъ латышей, близко ставшаго къ Цетру. Выяснилось, что „техника“ является небольшою ручной типографіей, удобной къ переноскѣ.

4., 1/VI. Ликвідацією I-го Априля організації були розпущені; більшовистська організація розбита, члени Городського Комітета арештовані. В Априль місяць виникає Городській Колектив, головним образом, із робітників меншовистського течія і ліквідаторського толка. Організація передбачала провести в гор. Харків забастовку 1-го Мая,—по успіху в цьому не мала, і день 1-го Мая пройшов спокійно. Къ цьому дню було випущено воззваніє отъ „Совѣта об'єдиненихъ організацій гор. Харкова Р. С.-Д. Р. П.“, въ якому провозглашалось: „Долой войну! Да здравствуетъ немедленный миръ безъ аннексій и контрибуцій!“ Воззваніє это было отпечатано на пишущей машинѣ и размножено въ незначительномъ количествѣ на шпирографѣ; вслѣдъ за этимъ появилось въ распространеніи въ болѣе значительномъ количествѣ тождественное же по содержанию воззваніє, отпечатанное на пишущей машинѣ; воззваніє это было отпечатано наспѣхъ и читалось съ большимъ трудомъ. Крімъ того, Колективъ озабочився легальнимъ издательствомъ собственного партійного органа—еженедѣльной газеты „Начало“, каковую предполагалъ сдѣлать партійнымъ органомъ социаль-демократическихъ организаций Юга Россіи. Вдохновителемъ этой газеты явился Поддубный, а фактическимъ редакторомъ—дворянинъ Кутаисской губерніи Девдаріани, литературный псевдонимъ коего „Сань“; оба они имѣли уже за собою прошлое. Первый номеръ газеты „Начало“ вышелъ 25-го Мая 1916 года,—причемъ военной цензурой была изъята масса статей, въ томъ числѣ и передовая статья, въ составленіи каковой принималъ участіе Девдаріани; передовая статья по содержанию являлась воззваніемъ въ духѣ социаль-демократіи. Въ ночь на 1-е Іюня была произведена ликвидация членовъ Колектива и соприкасавшихся съ ними лицъ; было привлечено къ Охранной перепискѣ 14 лицъ. При чемъ по обыску у Ленцкой были отобраны три ленты шпирографа, на каковыхъ было размножено воззваніє на 1-е Мая, что явствовало изъ оставшихся на этихъ лентахъ нѣкоторыхъ частей оттиска того воззванія.

Въ Іюнь мѣсяцъ въ организации возникла мысль о созывѣ Южной конференціи организаций Р. С.-Д. Р. П. Для обследованія этого вопроса на мѣстахъ выѣхалъ изъ Харкова оставшійся на свободѣ членъ Колектива Іоселиовичъ. Благодаря своевременному агентурному освѣщенію этого вопроса, Іоселиовичъ, по выѣздѣ 22-го Іюня изъ Харкова, былъ арештованъ съ матеріаломъ въ Одессѣ,—конференція не состоялась.

5., 7/IX. Въ концѣ Августа и въ началѣ Сентября мѣсяцевъ забастовочное движеніе охватило заводы, фабрики и другія предприятия въ гор. Харків; вначалѣ оно протекало на экономической почвѣ, но затѣмъ стало вливать въ себя и политическія требованія. Отдѣльные партійные работники, главнымъ образомъ, латыши, присвоивъ себѣ именованіе „Харьковский Комитетъ“, рѣшили поднять настроеніе массъ для открытаго выступленія, для чего и выпустили въ пространство 3-го Сентября отпечатанное типографскимъ способомъ воззваніє: „Долой войну!—Да здравствуетъ Миръ!“ отъ имени Харьковского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Къ 7/IX предполагался новый выпускъ воззванія, въ якому, по изложеніи экономического положенія въ данный моментъ рабочаго класса, включался призывъ къ общей забастовкѣ. Продвинутое къ освѣщенію этого вопроса агентура—латышъ, а равно надлежащая работа наружнаго наблюденія, привели къ конечному результату—ликвидации 7-го Сентября „техни-ки“ и вновь отпечатаннаго воззванія съ призывомъ къ забастовкѣ отъ имени Харьковского Комитета. „Техника“ оказалось ручной типографіей. По этой ликвидации трое, во главѣ съ нелегальнымъ Бунжа, привлечены къ формальному дознанію. Организация утрачиваетъ Комитетъ.

6., 11/XII. Въ началѣ ноября отъ председателя рабочей группы при Центральномъ Военно-промышленномъ Комитетѣ Гвоздева были получены Правленіемъ Общества конторщиковъ и бухгалтеровъ въ гор. Харківъ и Харьковской губерніи и Правленіемъ Рабочаго Дома въ гор. Харківъ телеграммы о присылкѣ по одному делегату отъ профессиональных обществъ на продовольственный съѣздъ въ гор. Москвѣ. По дѣлу избранія делегатовъ состоялись у профессиональных обществъ разновременно собранія, на каковыхъ при избраніи делегатовъ принимались резолюціи: 1., требованіе всѣхъ политическихъ правъ, 2., требованіе передачи продовольственного вопроса общественнымъ организациямъ, выбраннымъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, и 3., требованіе мира безъ аннексій, завоеваній и контрибуцій. Собранія освѣщались агентурой, делегатъ Целлеръ при выѣздѣ 8-го декабря изъ Харкова сопровождался наружнымъ наблюденіемъ.

Живое общеніе работниковъ различныхъ партійныхъ направленій, главнымъ образомъ, интеллигенціи, въ вопросѣ избранія делегатовъ на продовольственный съѣздъ сплотило таковыхъ работниковъ и они присвоили себѣ именованіе „И. Г. Х. А. Р.“, т. е. „Инициативная группа Харьковскихъ активныхъ работниковъ.“ Вечеромъ 7-го декабря въ помѣщеніи Правленія потребительнаго Общества „Объединеніе“ было въ распространеніи отгектографированное, возможно, по свѣдѣніямъ агентуры, въ самомъ этомъ помѣщеніи, воззваніє отъ имени „И. Г. Х. А. Р.“ съ призывомъ: „Долой войну!“ и „Долой Царскую власть!“ Размноженіє этого воззванія на гектографѣ производилось при участіи извѣстнаго Управленію казака Черниговской губерніи Данилевскаго 11-го декабря Данилевскій обысканъ и арештованъ.

Въ 1917 году произведена одна ликвидация:

5-го января. Въ декабрѣ 1916 года были изъяты агентурнымъ путемъ два экземпляра № 1 „Голосъ Социаль-Демократа“, органа Харьковского Комитета Р. С.-Д. Р. партіи; изданіє это написано печатными буквами отъ руки и размножено на гектографѣ. Агентура указала на близость къ этой „техникѣ“ Судика и Тинякова, членовъ „Инициативной группы Харьковскихъ активныхъ работниковъ“. Въ „Рабочемъ домѣ“ подъ видомъ встрѣчи Нового Года состоялось партійное собраніє, на якому выступали съ рѣчами: вышеуказанный Судикъ, Живовъ и Каганъ—„Макъ черный“; въ рѣчахъ своихъ они указывали, что создавшееся въ Россіи положеніє, благодаря Правительству, не пользующемуся совершенно довѣріємъ общества и законодательныхъ учреждений, привело Государство въ тупикъ, изъ котораго одинъ выходъ—образование демократической республики и немедленное прекращеніє войны безъ всякихъ аннексій. День 9-го января предположено ознаменовать забастовкою рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и т. п. предприятияхъ съ выступленіемъ на улицу для демонстраціи. Съ цѣлью поднятія настроенія въ массахъ повести широкую агитацію съ выпускомъ соотвѣствующаго воззванія. 5-го января была произведена ликвидация какъ членовъ „И. Г. Х. А. Р.“, такъ и соприкасавшихся съ ними лицъ; произведено было 30 обысковъ, арештовано 18 лицъ; по ликвидации возбуждена переписка на основаніи Устава Благочинія и безопасности. Ликвидацией этой была предотвращена забастовка; выпуска воззванія не было.

На 9-е Января было гектографированное воззваніє, выпущенное отъ имени Х. К. Р. С.-Д. Р. П. и Х. Г. О. партіи С.-Р.; по свѣдѣніямъ агентуры, воззваніє это исходило отъ с.-р. студенческой фракціи и с.-д. студентовъ Емельянова и Борзяка, вышедшихъ изъ с.-д. студенческой фракціи.

Въ послѣднее время организация старалась использовать легальныя возможности, устраивая собранія въ „Рабочемъ Домѣ“, въ Обществѣ „Объединеніє“, въ Обществѣ конторщиковъ и бухгалтеровъ и въ Обществѣ приказчи-

ковъ. Въ настоящее время сплоченной организаціи въ гор. Харьковѣ не имѣется, на что указываетъ агентура и что подтверждается теченіемъ рабочей жизни въ данный моментъ, такъ: 13 и 14 Февраля, когда ожидалась забастовка, какъ протестъ противъ ареста членовъ рабочей группы при Центральномъ Военно-промышленномъ Комитетѣ и двухгодичнаго осужденія „пятерки“ депутатовъ, было въ Харьковѣ совершенно спокойно. Остались отдѣльные партійные работники, дѣятельность каковыхъ обслѣдывается агентурой при наружномъ наблюдении.

25-го февраля 1917 года былъ составленъ слѣдующій списокъ лицъ, отмѣченныхъ въ г. Харьковѣ по Р. С.-Д. Р. П.,

съ указаніемъ кличекъ наружнаго наблюденія и адресовъ: 1. „Лунный“—Позументировъ, А. М., 2. „Снурокъ“—Поповъ, Н. Е., 3. „Уральскій“—Голдинъ, И. И., 4. „Первый“—Розенблитъ, Э. Р., 5. „Керосиновый“—Грязевъ, В. А., 6. „Зубная“—Шлапобергская, И. Л., 7. „Хохолъ“—Шведченко, П. Е., 8. „Портной“—Афанасьевъ, Н. И., 9. „Повивальная“—Литвакъ, З. Г., 10. „Стриженный“—Живовъ, В. Н., 11. „Лопаткинтъ“—Штафинскій, А. И., 12. „Картонный“—Толсторуковъ, М. П., 13. „Работница“—Шалковская, Е. М., 14. „Голый“—Судикъ, Ф. П., 15. Витте, Ж. А., 16. Карлеонъ, Я. К., 17. Барщевскій, А. Г., 18. Егоровъ, Н. М., 19. Ярославъ, И. М.

Письмо въ редакцію.

Уважаемая редакція!

По городу распространились ни на чемъ не основанные слухи, разсѣянные злонамѣренными агитаторами, будто я являюсь авторомъ подписей подъ шаржами І. Біа въ Вашемъ журналѣ. Населеніе въ тревогѣ. Меня начинаютъ бояться. Выдающіеся государственные дѣятели умоляютъ меня не касаться ихъ личности, или не такъ свирѣпствовать. Ужасающее зрѣлище несчастныхъ жертвъ, уже пострадавшихъ отъ шаржей, вызываетъ всеобщее состраданіе и заставляетъ каждого трепетать за свою судьбу.

Санъ впалъ въ тихую меланхолію и становится съ каждымъ днемъ все болѣе похожимъ на свое изображеніе въ „Колосьяхъ“. Грузинскій акцентъ у него усиливается, настроеніе ухудшается, и на публичныя собранія онъ является не иначе, какъ въ сопровожденіи кареты скорой помощи для падающихъ въ обморокъ. Чтобы перестать мучать жандармовъ, онъ рѣшилъ украинизироваться и объявить себя Саненко. . .

Конъ, увидавъ себя на шаржѣ, немедленно бросился къ парикмахеру и выстригся такъ, что сталъ похожимъ на почтеннаго профессора черной и красной магіи. Когда пишетъ статьи, спотыкается на каждомъ „штыкѣ“ и нечеловѣчески проклинаетъ меня.

Свѣтловъ дѣлаетъ видъ, будто ничего не случилось, но заказалъ высокіе каблуки и носить въ карманѣ зеркальце и номеръ „Колосевъ“, разясняя всѣмъ знакомымъ, что здѣсь вообще произошло какое-то недоразумѣніе.

Только Рубинштейнъ стойко выноситъ обрушившійся на него ударъ судьбы. Онъ весь проникнутъ мужественной рѣшимостью до конца вытерпѣть роковыя послѣдствія натиска на него Іоны Біа и Ингрида. Тѣмъ не менѣе, при встрѣчѣ я чувствую на себѣ его кроткій укоризненный

взоръ, начинаю страдать отъ угрызѣній совѣсти и теряю сонъ и аппетитъ.

Я оставляю въ сторонѣ косвенныя послѣдствія шаржей. Партійные Поповы всѣхъ фракцій, отъ энесовъ до большевиковъ, угрожаютъ мнѣ самосудомъ.

Зная роковой приговоръ, висящій надъ ихъ головами, очередныя жертвы шаржей пытаются спастись отъ неизбежной судьбы. Въ особенности Рожицынъ, встрѣчаясь на улицѣ, дѣлаетъ видъ, будто не узнаетъ меня, или кланяется очень сухо и при этомъ такъ зеленѣетъ отъ злости, что наводитъ меня на гениальную мысль не утруждать Іону Біа, а просто помѣстить фотографическій снимокъ, вмѣсто шаржа, а подпись замѣнить выдержкой изъ какой-нибудь его собственной статьи.

Предвидя нарастающія грозныя событія, въ связи съ тѣмъ, что къ шаржамъ намѣчена цѣлая вереница новыхъ жертвъ литературно-художественнаго произвола и желая снять съ себя какую бы то ни было отвѣтственность за могущія возникнуть тяжелыя послѣдствія, я, въ отвѣтъ на всѣ слухи, самымъ категорическимъ образомъ заявляю, что подписи подъ шаржами принадлежать мнѣ.

Постороннихъ прошу не винить. Желаящимъ исполнить страшныя клятвы мести, произнесенныя ими въ моментъ созерцанія своихъ шаржей, совѣтую обращаться съ заказами къ хорошо извѣстному въ Харьковѣ литератору-авансису, который за небольшое вознагражденіе и не стѣсняясь ни разстояніемъ, ни временемъ, ни мѣстомъ, ни политическими убѣжденіями, охотно предоставитъ къ услугамъ мстителей свое привычное къ этому дѣлу перо.

Предупреждаю отъ личныхъ покушеній на меня, ибо таковыя будутъ предотвращены всѣми находящимися въ моемъ распоряженіи вооруженными силами.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

Ингридъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на иллюстрированн. литературно-художественн. еженед.

„КОЛОСЬЯ“

Издаваемый при участіи Союза Интернаціоналистовъ Дѣят. Искусства.

Въ еженедѣльникѣ будутъ помѣщаться стихи, статьи, фельетоны, рисунки, каррикатуры шаржи и т. д. Въ каждомъ номерѣ удѣлено будетъ мѣсто театральному и библиографическимъ отдѣламъ.

Въ журналѣ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“ Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Редакція оставляетъ за собой право рукописи измѣнять и сокращать. Рукописи величиною менѣе одного листа авторамъ не возвращаются.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городекой Управы.

Пріемъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ отъ 6 до 8 час. веч.

Редакторы: *Ф. Конъ и В. Рожицынъ.*

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна пая 100 руб.

ВОЗОБНОВЛЕНА ПОДПИСКА

Цѣна пая 100 руб.

НА ПАИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

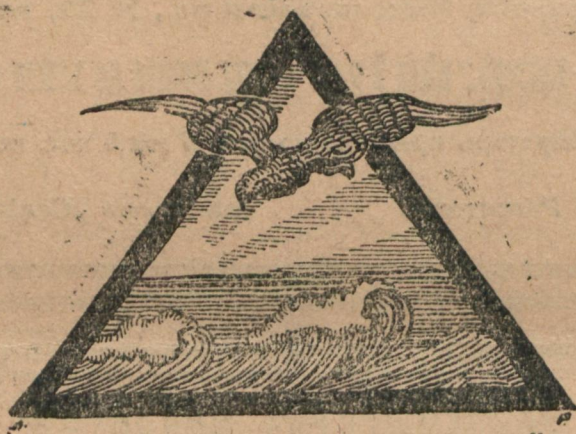
Профессиональные союзы и рабочія организациі могутъ пріобрѣтать паи въ издательствѣ и конторѣ газеты „Нашъ Югъ“. Частныя лица подаютъ предварительно заявленіе на разсмотрѣніе правленія.

ИЗДАНІЯ „СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ“:

1) Ежедневная большая политическая газета „НАШЪ ЮГЪ“. 2) Еженедѣльный иллюстрированный художественно-литературный журналъ „КОЛОСЬЯ“.	3) Еженедѣльный журналъ Харьковскаго Совѣта Профессіон. Союзовъ. 4) Двухнедѣльный научно-публистич. журналъ Обл. Ком. Дон. и Криворожск. Бассейн. и Харьк. Комит. Р. С.-Д. Р. П. (объединенной). „ПУТЬ БОРЬБЫ“.

Цѣна пая 100 руб. Допускается разсрочка по 25 р. платежа.

Цѣна 75 коп.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ